

*Как сказал В. Брюсов, «Кто не родился поэтом, тот им никогда не станет, сколько бы к тому ни стремился, сколько бы труда на то ни потратил». Дана Курская поэтом, несомненно, родилась, она живёт поэтическим словом, не жалея живота своего. Спасибо городу Челябинску, который оказался славен не только тракторами и метеоритом, за этого борца с мировой энтропией. Очень часто т.н. культуртрегеры сами по себе поэты посредственные, являясь больше менеджерами от литературы. Дана Курская – пример того, как хороший поэт может быть ещё и организатором прекрасных фестивалей, издателем множества книг современных поэтов и прочая, прочая, прочая. Источник её сил загадочен (подозреваю невидимый провод от Челябинского тракторного), пожелаем ему (источнику) мощи и неугасания.*

*Д. Л.*

\* \* \*

Такая боль – ну как тут объяснишь – как будто нерождённый наш ребенок упал с дивана, повредив ключицу, и вой прорезал утреннюю тишь, вот я кричу, а ты звонишь в больницу. В такси иконостас из трёх иконок, в регистратуре постер «Наш малыш».

Или, к примеру, вот какой момент. Как будто ночь – вставать ещё не скоро, под шёлковой простынкой голубую

так сладко спишь, и вдруг – включают свет!

И возникает прямо пред тобою  
Владимир Басов в роли полотёра,  
он говорит: «Ничё себе! Сюжет!»

А вот ещё бывает, что идёшь  
походкой зыбкой по району детства  
и думаешь: «Я здесь гуляла с папой...  
Над нами тот же звёздный был чертёж...»  
А папа с неба думает: «Растяпа!  
Гуляли-то не здесь, а по соседству!  
Беспамятная нынче молодёжь!»

Или ещё – ты помнишь это сам –  
как, наливая мне вина в бокальчик,  
установился внезапно за окошко,  
где сад внимал небесным голосам.  
и я глотнула красного немножко,  
и вдруг сказала: «Это будет мальчик».  
Сняв голову, не плачь по волосам.

\* \* \*

С кем угодно, Боже, но не со мной.  
Набухает небо больной весной.  
Я корабль в бутылке, смотрю в окно.  
С кем угодно, Господи Боже, но

пощади меня, у меня кредит,  
у меня у мамы спина болит,  
кто же справится с этим, когда решишь  
суд свой править – страшен и наивысш.

А ещё есть он, и ещё она,  
и смешная женщина есть одна,  
и ещё есть странный такой мужик.  
Неужели над их головами – вжик –  
вдруг блеснёт карающий светлый меч?  
Как бы разом всех мне их уберечь?

Ведь ещё есть Кошкина – как же с ней?  
А ещё есть Лёха, Тихас, Андрей,

Константин Сергеевич и Олег,  
и ещё самый важный мой человек.  
А ещё Данила – его куда?  
Не отдам их, Господи, никогда.

С кем угодно, Боже, но пощади  
всех, которым сейчас так тепло в груди,  
всех, которых помню и берегу,  
всех собравшихся нынче на берегу.

Так когда-то в небо воскликнул Ной:  
«С кем угодно, Боже, но не со мной!»

\* \* \*

*Вове Прокофьеву*

«Если бы на Марсе были города» –  
пела группа «Браво» где-то у пруда.  
Лунная монетка плавала в воде.  
Мы с тобой бухали в мае на пруде.

Пахли чем-то сладким синие кусты,  
и светили фары нам из темноты.  
«Побродил по скверам, рассмотрел дома».  
Никого не видно, в городе чума.

В мае распустился чёрный рагнарёк.  
«Я прошёл бы дважды вдоль и поперёк».  
Песню заглушало карканье ворон.  
Плыл над нами космос и патрульный дрон.

«Жалко, что на Марсе нету городов»  
Мы бы избежали там кьюар-кодов.  
Нам бы просто вместе было хорошо.  
Вот уже светает. Дождь опять пошёл.

«Тёплое как солнце, яркое как свет»  
Будешь там, на Марсе, передай привет.  
«Открывать вторую?» Ты ответил: «Да».  
...Если бы на Марсе были города.

## ПАМЯТИ МОРСКОЙ СВИНКИ САФИЗЫ

Прости меня, Сафиза, – все умрут.  
Двулапым – свет в тоннеле брызнет искрой.  
У особой поменьше свой маршрут –  
Но тоже замечательный и быстрый.

Как лапками ты не перебирай,  
как мордочкой в матрасик свой не тычься,  
за прутьями сияет скорый Рай,  
где коготки прилежно будут стричься,

где никогда не заболит живот,  
и где дадут сенца любой раззяве.  
Скачи в опилках, но уже вот-вот  
тебя обнимет главный твой хозяин.

Никто из тех, что носом вертит тут,  
не избежит печального сюрприза.  
И свинки, и несвинки – все умрут.  
Мы все умрём. Прости меня, Сафиза.

## ИСКОРОСТЕНЬ

И когда первый голубь вернулся на двор,  
и блеснул в его лапках огонь как топор,  
закричали, забегали во хмелю.  
«Видишь, радость моя, как люблю».

Не закат в небе ярк, сверкающ и ал, –  
это город во славу твою запылал,  
возвещая и царство моё, и зарю.  
«Видишь, радость моя, что творю».

Твои плечи, подобные сильным крылам,  
две верхушки берез разнесли пополам.  
Кровь и слёзы собрали песок и трава.  
«Видишь, радость моя, я права».

Как воды пересохшая просит гортань,  
так нутро моё алчет собрать эту дань,

пусть их пепел отныне дрожит на ветру,  
я теперь никогда не умру.  
То не в небо вздымаются вспышки огня, —  
это ты, моя радость, целуешь меня.  
И запомнят навеки нас вместе  
те, кто после простят и окрестят.

\* \* \*

Вполоборота повернувшись к дому,  
стоишь, вбирая бронхами апрель.  
Оно пришло, и вот его симптомы:  
как будто опускаешься на рель,  
и тягостно горит любой сустав,  
и вдруг понятен собственный состав.

Или вот так: как будто ты за школой,  
впервые пробуешь украденный «ЛМ»,  
дрожа от этой сладостной крамолы,  
исследуя взрослеющий Эдем.  
И выпускаешь в небо светлый дым,  
и знаешь, что исчезнешь молодым.

Ещё такой симптом: как будто ночью  
ты босиком крадёшься на чердак,  
где мрак и страх, но среди всяких прочих,  
ты станешь ближе к звёздам только так.  
И ты в себя вбираешь эту тьму,  
как цену света главную саму.

...Оно пришло, и вот его симптомы:  
как водки жадный сладостный глоток,  
как на запястье всходит гематома,  
как по губам проходит нежный ток,

как в тишине кричит ночная птица,  
как русский рок играют во дворе,  
как будто выбегаешь из больницы  
в киоск за белой розой медсестре,  
как в электричке полночью без света,  
как твой звонок, когда ты не звонишь,

как в мае наступающее лето,  
как солнце бьёт в глаза с высоких крыш.  
Как море. Как лавина. Как вино.  
Всё остальное – это не оно.

## ДИКАЯ ОХОТА

Есть ещё третий – чёрный, что головешка  
Смотрит раскосо, щурится через рот.  
Он говорит, и голос его – жужжанье.  
Он говорит: «Вам всем дают при рождении  
неповторимый сладостный аромат.  
Это таким, как мы, помогает идти по следу.  
Всем вам от первого шага даётся след.  
Как бы вы не плутали, не убегали,  
мы вас найдём через много дрожащих лет.  
Запах и след – это всё, что от вас нам надо.  
Правда иные плутают довольно долго.  
Но и для них наступает последний раз».

Тут говорит второй, упираясь в небо:  
«Проще ловить звенящих, которых слышно.  
Этих находим быстрее, чем ваших прочих.  
Им с первым вдохом даруется колокольчик.  
Их до смешного просто потом ловить».

Первый смеётся тоже – с зерно размером,  
он умещается в центре моей ладони.  
Больно руке – по коже ползут ожоги.  
Вдруг начинает шёпотом говорить:  
«Здравствуй, родная. Это пока что проба.  
Это пока что просто проверка связи.  
Где-то растёт уже желудь, что станет гробом.  
След твой – летящий след – взяли мы сходу, сразу.  
Пахнешь ты свежим хлебом, пахнешь ночным костром,  
Пылью с шоссе, дымом трубы завода.  
Жизнь твоя – тьфу! – плюнул да и растёр.  
Смерть твоя – раз! – взял за концы да в воду.

Ты не сложней, чем все прочие экземпляры.  
Помни, что мы уже смотрим в свои окуляры».

...я, замерев, застыла. Сдерживаю всю медь.  
Сколько же там их было. Лишь бы не зазвенеть.

\* \* \*

Санитар был большим и раскосым.  
Чагатаем все звали его.  
Говорят, что в наш век под наркозом  
Не запомнишь почти ничего.

Но катетера помню спирали.  
Белый кафель. Простынку в крови.  
Два врача из меня выскребали  
То, чего мне не знать о любви.



Михаил Юдовский. «Рыбки и жемчуг».  
Холст, смешанная техника. 75х90 см.